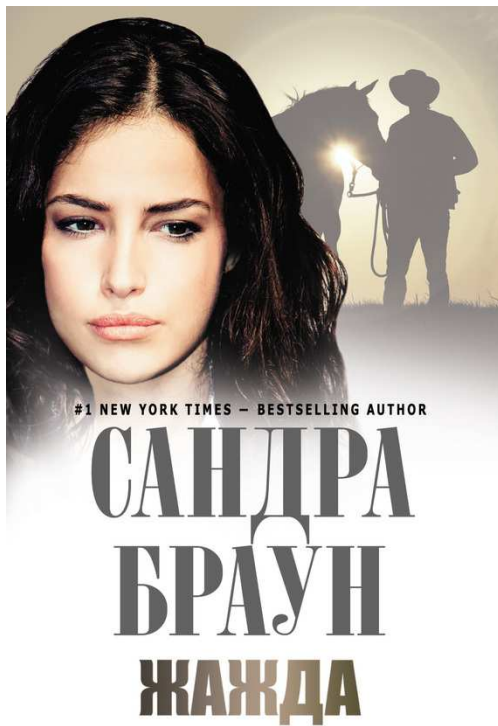

Сандра Браун Жажда

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118575

Жажда / Сандра Браун ; [пер. с англ. Л. Желоховцевой]: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-59364-4

Аннотация

Лорел Холбрук отправляется в Техас, чтобы найти там работу и новый дом. Она надеется на помощь старого друга своих опекунов, Бена Локетта, но выясняется, что он умер при странных обстоятельствах за день до ее приезда...

Пытаясь разобраться, что же на самом деле происходит в доме Локеттов, Лорел оказывается втянутой в жестокие семейные интриги, не последнюю роль в которых играет отчаянный прожигатель жизни Джеред. Неудержимое влечение к нему становится для Лорел настоящим испытанием любви и чести.

Содержание

Уважаемый читатель!	4
1	5
2	13
3	22
4	28
5	36
6	45
7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сандра Браун

Жажда

Посвящается Майклу – средоточию терпения

Уважаемый читатель!

В моей писательской карьере роман «Жажда» занимает особое место – две вещи отличают его от остальных моих произведений. Во-первых, это одна из двух книг, изданных мной под псевдонимом Лора Джордан. И во-вторых, это мой первый исторический роман.

Романы «На закате» и «Новый рассвет» появились много лет спустя. Место действия романа – часть Техаса, носящая название Скалистая страна, время действия – рубеж XIX и XX веков.

«Жажда» – это история нежной, выросшей вдали от света Лорен Холбрук и бешеного, необузданного ковбоя Джереда Локетта.

Их страстная и бурная любовь прекрасно вписывается в рамки жанра, предъявляющего к персонажам особые требования, потому что герои оказались в тисках заключенного по расчету брака.

Как и второй роман – «Шелковая паутина», написанный мной под псевдонимом Лора Джордан, этот исторический роман долго не получал доступа к читателю. Первый издатель бесконечно тянул с его выходом в свет. Перечитав недавно «Жажду», я вновь подпала под обаяние его героев и контрастов в их характерах и теперь приветствую и разделяю радость читателя, узнающего историю любви Лорен и Джереда.

Желаю вам получить удовольствие от «Жажды»...

Сандра Браун Апрель 1994 года

1

Молодая женщина, сошедшая с поезда в Остине, восприняла тепло сентябрьского солнца как физическое прикосновение, как удар. Ее обычно бледные, как слоновая кость, щеки слегка порозовели, а несколько непокорных прядей цвета воронова крыла выбились из-под шляпки. Она обмахивалась носовым платком, внимательно вглядываясь в толпу, стараясь найти в ней высокого седовласого мужчину в знакомой коричневой стетсоновской шляпе¹.

К прибытию полуденного поезда из Форт-Уорта на вокзале собралась довольно многочисленная толпа. Родители обнимали своих вернувшихся сыновей, провожающие махали на прощание уезжающим этим поездом. Просьбы написать как можно скорее и беречь себя, звучащие на английском и испанском языках, сплетались с шипением белого пара, выпускаемого паровозом, и пронзительными свистками, игравшими роль ударных в этом нестройном оркестре. Носильщики с поразительной быстротой управлялись со своими нагруженными багажом длинными плоскими тележками, ловко объезжая пожилых леди, бизнесменов и детей.

Мексиканки в широких ярких юбках выступали по платформе, предлагая самодельные конфеты, цветы и тexasские сувениры.

Вакеро², лениво прислонившись к стене вокзального здания, поигрывали арканами, скручивали сигареты и косо поглядывали на поезд, в который им вовсе не хотелось садиться, потому что они предпочитали открытые пространства и нежно-голубые тexasские небеса узким железнодорожным вагонам.

Многие из этих ковбоев заметили молодую женщину, с надеждой всматривающуюся в каждый подъезжающий экипаж. В ее серых глазах, всего несколько минут назад оживленно блестевших, теперь сквозило беспокойство, потому что толпа на платформе начала редеть. Девушка прошла до конца платформы и вернулась обратно, обольстительно шурша складками платья. При каждом шаге ее изящные башмачки на высоких каблуках постукивали о гладкие доски платформы.

Один за другим вакеро потянулись к поезду, готовившемуся отбыть обратно, в Форт-Уорт. Большинство из них не могло отказать себе в удовольствии бросить долгий, полный томления взгляд на девушку, явно обеспокоенную, но такую свеженькую, несмотря на жару.

Раздался скрежет колес о рельсы, поезд выпустил гейзер пара, засвистел и медленно, дюйм за дюймом, двинулся от станции, постепенно набирая скорость, и наконец скрылся из виду.

Платформа опустела. Торговки-мексиканки прикрыли кто чем свои товары в корзинках, носильщики откатали тележки в тень вокзального здания.

Девушка в темно-синем саржевом костюме, белой английской блузке и бронзового цвета шляпке стояла возле своего нехитрого багажа и казалась заброшенной и одинокой.

Эд Треверс суетливо семенил к выходу из здания вокзала. Оказавшись на платформе и увидев девушку, он одернул жилет на своем круглом брюшке и поспешил к ней.

– Мисс Холбрук? – осведомился он вежливо. – Мисс Лорен Холбрук?

Услышав свое имя, девушка улыбнулась, ее испуганные глаза вновь заблестели, а прекрасно очерченные губы приоткрылись, обнажив мелкие белые зубки.

– Да, – ответила она, – я Лорен Холбрук. Это Бен... мистер Локетт прислал вас за мной?

Эд Треверс скрыл свое изумление за ободряющей улыбкой.

¹ Мужская шляпа с высокой тульей и широкими полями, обычный головной убор ковбоев. – Здесь и далее примеч. перев.

² Пастух, ковбой (исп.).

– Нет, мисс Холбрук, не совсем так. Я Эд Треверс – начальник станции. Сожалею, что заставил вас ждать, но телеграф... эта машина... – Он запнулся, досадуя, что попал в такую щекотливую ситуацию. – Простите, что заставил вас так долго ждать на этой жаре. Пойдемте, я все вам объясню.

Он сделал знак отдыхающему в тени носильщику. Тот с неохотой поднялся, чтобы забрать и унести багаж Лорен.

Мистер Треверс снял с головы котелок и указал им в конец платформы. Однако Лорен все еще колебалась.

– Но мистер Локетт сказал мне...

– Мистер Локетт приехал за вами, мисс Холбрук, но занемог и попросил меня...

– Бен заболел? – побледнев, спросила Лорен, в тревоге сжимая руку начальника станции.

Ее реакция удивила Эда Треверса. И что это она все время поминает Бена Локетта? Что общего может быть у такой девушки с этим старым хрычком? Она красива. Слов нет. А относительно дам у Бена всегда была губа не дура. Все в Техасе знали, что за брак был у Бена с Оливией, но даже если и так, эта девушка все-таки смущала его. Откуда она взялась? Зачем ей понадобилось ехать в Техас на встречу с Беном Локеттом? Ей не больше двадцати, а Бену уже за шестьдесят. Может быть, родственница. На шлюху она уж никак не похожа. Да и зачем бы Бену устраивать здесь свою любовницу? Он...

– Пожалуйста, мистер Треверс. – Взволнованная Лорен дожидалась ответа, а этот приятный, добрый человек изучал ее с пристальным вниманием, невольно вызывающим беспокойство.

Она проделала тяжелое путешествие из своего дома в Северной Каролине только для того, чтобы убедиться, что Бен ее не встречает. Это достаточно неприятно. Разумеется, он предупреждал ее, что если ему не удастся вырваться из Коронадо, то он кого-нибудь за ней пришлет.

– Мистер Локетт болен?

– Бен? – сдержанно переспросил Треверс. Потом, прочистив горло, ответил: – Нет, не Бен. Я так понимаю, что он прислал за вами Джереда, и вот он-то как раз и занемог.

Треверс вел ее по платформе, дружески и ободряюще поддерживая за локоть.

– Джеред? – спросила она.

Бог мой! Она даже и не знает о Джереде! В таком случае очень прискорбно сознавать, что этой прелестной молодой женщине предстоит с ним познакомиться. И все из-за Бена. Но что он задумал на этот раз? У него репутация любителя розыгрышей и сюрпризов, как правило, крайне обременительных для тех, кто имеет с ним дело. Но неужели пресловутое чувство юмора Бена настолько безгранично, что он выбрал жертвой такое невинное создание, как мисс Холбрук? За те несколько минут, что Эд Треверс провел в ее обществе, он заключил, что Лорен Холбрук – доверчивое и наивное существо, даже чересчур доверчивое, хотя в третьем году двадцатого столетия эти качества вызывали удивление.

– Джеред – сын Бена, мисс Холбрук, – ответил он терпеливо. – Разве Бен не говорил вам о нем?

Лорен с готовностью рассмеялась:

– О да, он рассказывал мне, что у него есть сын. Хотя не помню, называл ли он его имя.

Ее улыбка погасла, сменившись выражением озабоченности.

– Он болен?

– В известном смысле, – ответил Треверс хрипло, крепче сжимая ее руку, потому что они как раз начали спускаться по ступенькам платформы. В нескольких ярдах от платформы Лорен увидела длинную повозку. Зеленая краска на ее боках потускнела и облупи-

лась, колеса были заляпаны грязью. Две лошади, впряженные в повозку, щипали траву под огромным pekanовым деревом.

Еще один конь масти паломино³ и великолепных пропорций был привязан к повозке. Он гордо встряхивал светлой гривой, как бы выражая протест против унижающего его достоинство воссоединения со столь убогим средством передвижения.

– По-видимому, мисс Холбрук, Бен отправил за вами молодого Джереда. Прошлой ночью он прибыл из Коронадо. А сегодня утром, почувствовав, что не может выполнить данное ему поручение, он попросил меня сопровождать вас до его дома. Боюсь, что это путешествие будет не особенно комфортным. Прошу прощения, но эта повозка – лучшее, что я сумел найти за столь ничтожный срок.

– Я уверена, что мне будет удобно.

Она улыбнулась. От ее улыбки и нежного голоса у Эда Треверса закружилась голова. Он мысленно обругал себя старым дураком и поспешил к повозке.

Начальник станции помог Лорен взобраться на рахитичное сиденье. Носильщик бесцеремонно бросил ее багаж на дно повозки, и вдруг она услышала приглушенный стон.

От изумления Лорен на мгновение задержала дыхание, увидев долговязую фигуру, распростертую на полу в задней части повозки.

– Мистер Треверс! – крикнула она. – Он серьезно пострадал?

– Нет, – ответил тот, – только слегка не в форме. Выживет, хотя, возможно, скоро и пожалеет об этом.

Последние несколько слов он пробормотал скороговоркой, и их смысл ускользнул от Лорен.

Она расположилась как можно удобнее на неуклюжем сиденье. Коричневая кожа обивки потрескалась и местами полопалась, из прорех торчала сбившаяся в жесткие комки вата. Ржавые пружины застонали под ее легким телом. Лорен старалась смотреть только на дорогу впереди.

– Мне надо на минуту вернуться на станцию, мисс Холбрук, поговорить со своим помощником. Если вы проявите ко мне снисходительность, мы тронемся без дальнейших проволочек.

Эд Треверс снова снял шляпу и направился к зданию вокзала. Носильщик последовал за ним.

Лорен вздохнула. Конечно, совсем не такой встречи она ожидала, но, во всяком случае, все это необычно. И она улыбнулась, ощутив чистую радость оттого, что оказалась в Техасе и что ее путешествие подошло к концу.

Неужели прошло всего три недели со времени ее встречи с Беном? А кажется, минула целая вечность. Столько всего произошло с тех пор, как он навестил ее покровителей и неожиданно пригласил ее приехать в Техас.

Они сидели в гостиной пасторского дома. Лорен разливала чай – это была одна из ее обязанностей, когда преподобный Абель Пратер и его жена Сибил принимали гостей. А гости у этой пожилой супружеской пары, радушно открывшей свой дом для Лорен, когда восемь лет назад умер ее отец-священник, бывали часто. Она любила Пратеров, хотя и признавала, что они были довольно ограниченными людьми во всем, что выходило за пределы сферы их деятельности и интересов. Большинство их посетителей были священники или прихожане.

Но в тот необычный день у них был особенный гость. В последние три года войны Бен Локетт служил в армии конфедератов⁴ вместе с молодым капелланом Пратером. Их отноше-

³ Особая масть – лошади паломино медового цвета с белыми гривой и хвостом.

⁴ В Гражданской войне 1861–1865 гг. конфедератами называли себя сторонники южных штатов.

ние к жизни было совершенно разным, но эти двое мужчин наслаждались обществом друг друга и находили удовольствие в спорах, где каждый придерживался своей точки зрения, касалось ли это военных или религиозных вопросов.

После войны Бен Локетт покинул родную Виргинию, предпочтя ей неизведанные просторы Техаса. Он относился к племени честолобивых и напористых молодых людей, не боялся создавать целые империи на необъятных равнинах Техаса. Через сорок лет после окончания войны между Севером и Югом Бен Локетт стал богатым скотоводом и влиятельным человеком.

Импозантный техасец заинтриговал Лорен. Высокая, поджарая фигура не выдавала его возраста, о нем свидетельствовали, пожалуй, густые белоснежные волосы, зачесанные назад с широкого, высокого лба, создавая над ним нечто вроде хохолка. Голубые глаза весело поблескивали из-под седых косматых бровей, словно мир постоянно смешил и забавлял его. Но Лорен заметила, что иногда взгляд Бена становился пронизывающим и ледяным, особенно когда его охватывали презрение или гнев.

Он заговорил с ней, и его голос показался девушке низким и сочным.

– Скажите, мисс Холбрук, что вы думаете о Техасе. Как и большинство техасцев, я считаю, что каждый должен быть в восторге от него.

Он пристально смотрел на нее из-под косматых бровей, но взгляд его был дружеским.

– Я... я мало о нем знаю, мистер Локетт, – ответила она честно. – Я читала об Аламо и знаю, что штат когда-то был республикой. Что же касается остальных моих познаний, то они сводятся к впечатлениям от обложек дешевых книжек, которые мне случалось видеть в книжном магазине. Как правило, на них изображены ограбления поездов, угон скота и салуны. Не знаю, насколько это отражает жизнь в Техасе.

Бен откинул назад голову с копной белоснежных волос и разразился громовым хохотом. От этого смеха задребезжали фарфоровые фигурки, в изобилии украшавшие все мыслимые и немыслимые уголки перегруженной безделушками гостиной Сибил Пратер.

– Ну у нас, конечно, бывают ограбления поездов. Что касается салунов, то, прошу прощения, Абель, я и сам бывал в некоторых из них. А угонщиков скота мне случалось преследовать вплоть до Мексики. – Он помолчал. – Может быть, картинки, виденные вами, в этом отношении и правдивы, мисс Холбрук.

С минуту он внимательно изучал ее и неожиданно сказал, будто бросил вызов:

– Почему бы вам не поехать со мной в Техас и не убедиться в этом самой?

Послышались испуганные возгласы.

– Бен, ты, конечно, шутишь! Я и забыл, как ты любишь подначивать, – рассмеялся Абель.

– Позволить моей Лорен отправиться в Техас, где живут индейцы?! – воскликнула Сибил. Жабо, прикрывавшее ее пышную грудь, затрепетало от возмущения.

– Что за нелепое предложение! – присоединился Уильям.

Уильям. Да, Уильям Келлер тоже присутствовал.

При воспоминании о нем даже в эту удушающую жару ее передернуло, как от озноба. Лорен постаралась изгнать из своего сознания все, что связано с Уильямом. Она не позволит мыслям о нем испортить ей свидание с Беном Локеттом.

Снова послышался стон, на этот раз сопровождающийся невероятными ругательствами, и это вывело Лорен из состояния задумчивости. Она робко повернула голову к страждущему. Ее взгляд сначала остановился на нарядном седле с серебряными накладками филигранной работы, красиво поблескивающими на черной коже. Ее дорожные сумки находились на дне повозки, возле ног мужчины.

Быстро оглядев распростертое тело, Лорен подумала, что мужчина должен быть очень высоким. По первому впечатлению он казался стройным и хорошо сложенным. Лорен при-

ступила к более детальному осмотру, начав с сапог, и разглядывала лежащего мужчину со все возрастающим любопытством, не в силах оторвать от него взгляда.

Черные сапоги из мягкой, хорошо выделанной кожи доходили ему до колен. Черные брюки были заправлены в сапоги. Лорен залилась румянцем, увидев, как плотно они обтягивают его длинные мускулистые ноги и бедра, словно вторая кожа.

У Лорен перехватило дыхание, когда ее будто магнитом притянутый взгляд остановился на выпуклости между бедер. Узкие брюки не только не скрывали, а, наоборот, подчеркивали детали его сложения. Лорен, воспитанной в отдалении от лиц мужского пола и в полном неведении о том, как они выглядят при ближайшем рассмотрении, это зрелище казалось непристойным. Как можно проявлять столь вопиющую небрежность в отношении собственной персоны, недоумевала она.

Ее ладони под перчатками вспотели.

Лорен с усилием перевела взгляд с развилки между его бедрами выше, к груди. Рубашка цвета бычьей кожи была небрежно заправлена в брюки, удерживаемые на талии ремнем. Рубашка, застегнутая только на две нижние пуговицы, не прикрывала широкую грудь, поднимавшуюся и опускавшуюся от равномерного дыхания. Грудь плавно сужалась к плоскому животу и была покрыта легкими каштановыми волосами, золотящимися под лучами солнца, проникавшими сквозь ветви пеканового дерева.

Никогда прежде Лорен не видела мужчины без рубашки. Однажды какой-то прихожанин преподобного Пратера подцепил сильную лихорадку, и она случайно увидела его обнаженный торс, когда одна из замужних дам, ухаживающих за больными, купала его. Страдалец был тучным, с розовой кожей и гладкой, безволосой грудью. Нет, он ничуть не походил на этого.

Лорен проглотила комок, подступивший к горлу, и прижала руку к животу, где начиналось какое-то брожение.

Джеред Локетт снова застонал, и Лорен задержала дыхание, боясь, что он проснется и заметит, что она разглядывает его с постыдной дерзостью. Но он только глубоко вздохнул, при этом его живот еще больше запал, образовав глубокую впадину. Рука поднялась и легла на грудь. Ладонь была большой и загорелой, с длинными, сильными пальцами. На ее тыльной стороне росли волоски такого же цвета, что и на груди, вызолоченные солнцем.

Мощная, как колонна, шея уходила в широкие, сильные плечи. Лорен подняла глаза к его лицу и была горько разочарована. Лицо закрывала черная шляпа с низкой тульей и широкими полями. Сын Бена возбудил ее любопытство, и ей захотелось увидеть лицо, венчающее это длинное, стройное тело.

Эд Треверс застал Лорен врасплох, и она чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда он отрывисто сказал:

– Ну, я думаю, мы можем трогаться.

Девушка была так погружена в созерцание Джереда Локетта, что не заметила, как начальник станции вернулся.

– Это чрезвычайно любезно с вашей стороны, мистер Треверс. – Лорен и сама была удивлена, насколько ровно и буднично прозвучал ее голос. Неприятное ощущение из области желудка поднялось к груди и подступило к горлу. Эти признаки приближающейся истерики были непривычны для всегда спокойной и безмятежной Лорен Холбрук.

– Не стоит и говорить об этом, – поспешно заверил ее Треверс.

Он щелкнул языком, побуждая забрызганных грязью лошадей стронуться с места, и повозка влилась в поток транспорта, заполнившего улицы столицы Техаса. Они ловко объезжали тележки, экипажи и одиноких всадников, стремясь к выезду из города. На улицах не было ни одного автомобиля, которые Лорен видела во время своей недавней поездки в Рэли.

Извилистая дорога позволила ей увидеть со всех сторон здание Капитолия.

– Я думаю, вы вполне оправданно гордитесь зданием своего Капитолия. Я о нем читала. Оно весьма впечатляет.

Треверс улыбнулся:

– Красный гранит из каменоломни недалеко от ранчо Локетта.

– «Кипойнт», – заметила Лорен.

Она вспомнила, с какой гордостью Бен рассказывал ей о своем ранчо. Он просиял, когда она отметила удачное сочетание фамилии Локетт с названием Кипойнт⁵.

– Удивительно, но очень не многие люди это замечают, – сказал он, широко улыбнувшись, отчего глубокие складки вокруг его рта превратились в некое подобие ямочек.

Улыбка тронула губы Лорен при этом воспоминании, и Треверс искоса посмотрел на нее. Так она знает о «Кипойнте». А знает ли она, кто там живет?

– Вы прежде бывали в Техасе, мисс Холбрук?

– Нет, не бывала. Вот почему я с таким восторгом приняла приглашение Бена приехать и пожить немного в его семье.

Треверс так резко дернул поводья, что повозка накренилась. Она собирается пожить у них? В Коронадо? Или в «Кипойнте»? Ни одно из этих мест не подходило для нее, это просто невыносимо. Ясно как день, что эта девушка – сама невинность. Да что случилось с Беном Локеттом? Уж не спятил ли он?

Они уже выехали из города и теперь направлялись на запад. Когда Лорен вынула шпильки, удерживавшие ее шляпку, Треверс позволил себе заметить:

– На вашем месте я не стал бы ее снимать, мисс Холбрук. У нас жаркое солнце, и ваш хорошенький носик облупится.

Лорен согласилась с ним и снова надела шляпу, но сняла жакет. Легкий ветерок, усиливающийся движением повозки, до известной степени охлаждал ее влажную кожу.

Когда Лорен уселась на прежнее место, Треверс вернулся к своим размышлениям. Дикий бык там, на дне повозки, уже был достаточным основанием для того, чтобы не позволить порядочной женщине жить под одной крышей с этим семейством.

Джеред Локетт был притчей во языцех во всем штате по причине своего порочного поведения и пьянства. В молодости его считали юным прожигателем жизни, но с тех пор, как ему исполнилось тридцать, его эскапады стали вызывать всеобщее презрение. Когда же наконец Джеред возьмется за ум и будет вести себя достойно? Не похоже, что скоро, мрачно решил Треверс.

Всего месяц назад Джеред вызвал большое смутение на вокзале в Розенбурге. Вместе со своими безалаберными приятелями он пришел в заведение Харви и провел там весь день за выпивкой и игрой. Их присутствие нельзя было не заметить – они вели себя, как стая диких собак. Джеред стал приставать к одной из самых привлекательных девушек Харви с недостойными предложениями. Официантки в железнодорожных ресторанах Санта-Фе известны своей строгой нравственностью. Единственным предложением, которое мог сделать мужчина одной из этих молодых особ, должно было быть предложение вступить в брак и жить в уютном винограде домика.

Когда девушка решительно отвергла его домогательства, Джеред начал вести себя агрессивно. Управляющему пришлось выкинуть его вон, но уже после того, как он устроил побоище, разломав кучу мебели и разбив гору посуды, при этом дрался, как демон, вырвавшийся из ада, и даже поколотил нескольких посетителей. Шестеро мужчин с трудом обуздали его.

Итак, вздохнул про себя Треверс, возможно, эта молодая женщина ничего не знает о проделках Джереда Локетта. Вне всякого сомнения, они напугали бы ее до смерти.

⁵ Лок – замок, Ки – ключ.

– В сентябре здесь всегда так жарко? – спросила Лорен, пытаясь вовлечь начальника станции в разговор. Присутствуя на всех приемах у Пратеров уже много лет, она в совершенстве овладела искусством вести ничего не значащую беседу. Мистер Треверс был добр к ней, но по его нахмуренному лбу, озабоченному выражению лица и взглядам, которые он изредка бросал на нее, Лорен видела, что он чем-то озадачен. Неужели она так не похожа на жительниц Техаса?

– Да, – ответил он, стараясь ободрить ее улыбкой, – обычно первые приезжие с севера появляются здесь в конце октября. Большей частью сентябрь у нас бывает жарче июня или даже июля. А как насчет... – Треверс запнулся, не закончив фразы, но Лорен поняла, что он хотел спросить.

– Северной Каролины? Я жила, живу в Клейтоне. Это маленький городок недалеко от Рэли. И там... нет, в сентябре там не бывает так жарко.

– Так вы там познакомились с Беном? – спросил он с любопытством. На ее утвердительный кивок он отреагировал новым вопросом: – Что же Бен делал в Клейтоне?

Лорен рассказала о дружбе между своим опекуном и владельцем ранчо.

– Многие годы они переписывались, но последние десять лет или около того письма стали приходить нерегулярно. И вот на обратном пути из Нью-Йорка, где он был по делам, Бен решил навестить старого друга.

– Сколько времени вы живете со своим опекуном?

Может быть, он проявляет излишнее любопытство? Он не хотел ее обидеть, и ни один человек в здравом уме не рискнул бы раздражать Бена Локетта. Однако она ответила ему с готовностью и без всякого смущения:

– Мой отец тоже был священником. Абель Пратер был его начальником. Мне исполнилось двенадцать, когда отец умер. Пратеры дали мне дом и семью.

– А ваша мать? – спросил Треверс тихо.

– Мне было три года, когда она умерла родами. Младенец, мальчик, родился мертвым. Ее голос стал еще более тихим и нежным. Треверс заметил, что Лорен потрогала часы-брошь, приколотые к блузке как раз в том месте, где возвышались два упругих холмика девичьей груди.

Эта маленькая брошь – единственное, что осталось у нее в память о матери. Она и еще портрет ее родителей в день свадьбы. Лорен пыталась вспомнить дни, проведенные с этой хорошенькой миниатюрной женщиной, изображенной на портрете, но воспоминания не приходили.

Лорен часто думала, что скрывалось за этим робким взглядом, смотрящим на нее с портрета, каким человеком была ее мать. В минуты тяжелых переживаний или накатывающей тоски по материнской ласке она прикасалась кончиками пальцев к часам, словно этот простой жест мог приблизить ее к матери, заменить общение с ней. Это стало привычкой, смысла которой Лорен не сознавала.

После смерти молодой жены Джеральд Холбрук полностью посвятил себя работе. Он погружался в религиозные книги и обдумывал теологические доктрины в часы, свободные от службы или подготовки к проповеди. И если заботы о его юной дочери падали на плечи очередной домоправительницы, то такова была цена, которую надлежало платить за преданность Христову делу. Лорен знала, что отец по-своему любит ее, и не огорчалась из-за недостатка его внимания, но не могла не чувствовать этого. Она была бы рада более явному проявлению отцовской любви, но понимала, что отец, как Бог, существовал в другом мире.

Лорен была послушным ребенком, спокойным и ненавязчивым, и тихо сидела возле отца, когда он занимался в библиотеке. Она рано научилась читать, и персонажи книг стали ее товарищами по играм и поверенными ее тайн. Ее одноклассники не ощущали особой

потребности вовлекать «священникову дочку» в свои игры и проказы. Одиночество научило Лорен придумывать для себя развлечения.

Когда Джеральд Холбрук умер, Лорен почти не скучала по нему. Она переселилась в дом Пратеров и без возражений подчинилась укладу их жизни. Они были добрыми людьми и бездетными, поэтому с радостью приняли в свой дом девочку-подростка. Чета Пратеров ничего не жалела для Лорен и даже наняла ей учителя музыки. Девочка оказалась музыкально одаренной, и фортепиано стало ее страстью так же, как и книги.

Каждый, кто приходил в изобилующий безвкусными безделушками дом Пратеров, тут же узнавал о том, как они гордятся Лорен. Она ни разу не обманула их доверия и не разочаровала их.

До тех пор, пока не появился Уильям. Как несправедливо, что их отношение к Лорен изменилось из-за него! Ее не в чем было обвинить!

– Мисс Холбрук? – Эд Треверс уже в третий раз задавал ей один и тот же вопрос. Наконец ему удалось привлечь ее внимание.

– Прошу прощения, мистер Треверс. Что вы сказали?

Опущенные поля шляпки не могли скрыть ее покрасневших щек. Она была явно смущена из-за того, что слишком глубоко ушла в свои мысли.

– Я спросил вас, не хотите ли вы пить, – сказал Треверс, доставая из-под сиденья флягу, которую он наполнил водой перед отъездом.

– О да, благодарю вас. – Лорен потянулась к фляге.

Она никогда раньше не пила из фляги и, когда наклонила ее и сделала крошечный глоток, как и подобает леди, почувствовала себя пионером – завоевателем Запада.

Именно в этот момент колесо повозки попало в глубокую колею. От толчка часть воды вылилась на ее блузку. Лорен вытерла подбородок, с которого стекала вода, и восторженно рассмеялась. Ее смех резко оборвался, когда из задней части повозки донесся стон, сменившийся яростным проклятием:

– Сукин сын!

2

Лорен так резко повернула голову, что у нее заболела шея. Рука Джереда поднялась и надвинула шляпу на лицо еще ниже. Он переместил свое длинное тело в другое, более удобное положение, при этом его мышцы сначала напряглись, потом расслабились. Его неторопливые движения были одновременно и отталкивающими, и возбуждающими.

Лорен бросила взгляд на отчаянно покрасневшего Эда Треверса.

– Прошу прощения, мисс Холбрук. Не обращайтесь ни малейшего внимания на его лексикон. Он...

Она перебила его:

– Что с ним такое?

Лорен испугалась, что сын Бена серьезно занемог.

– Он... он, должно быть... сильно набрался вчера вечером.

Заметив ее полное непонимание, Треверс неохотно пояснил девушке, в чем дело. Пора ей кое-что узнать о Джереде.

– Он слишком много выпил. Разве вы не видите, – сказал он, волнуясь, – и...

– Выпил? – переспросила она недоверчиво. – Так у него похмелье?

Она перевела полный неподдельного ужаса взгляд на распростертую на дне повозки фигуру. Никогда в жизни ей не приходилось видеть человека в такой стадии алкогольного опьянения. В пасторском доме добрый стакан шерри или вина на День благодарения и на Рождество составлял максимальное количество потребляемых спиртных напитков.

По-видимому, Джереда снова сморил сон. Из-под черной шляпы доносилось негромкое похрапывание.

– Пожалуйста, не сердитесь и не огорчайтесь, мисс Холбрук. Это случается довольно часто. Хорошо еще, что его не сцапал шериф и не отправил отсыпаться в тюрьму. К счастью, он добрался до меня нынче утром и попросил встретить ваш поезд и отвезти вас обоих в Коронадо. Он заснул примерно за час до вашего прибытия.

– Бен говорил мне, что если не сумеет приехать в Остин сам, то пришлет кого-нибудь. Полагаю, Джерעד не был в восторге от возложенного на него поручения, – заметила Лорен.

– В восторге он был или нет, но он прекрасно знал, что лучше ему сделать то, что велел папочка. Несмотря на то что они такие разные, Джерעד Локетт очень уважает своего отца.

Лорен вздохнула, бросив через плечо укоризненный взгляд на лежащего Джереда:

– Трудно поверить, что Джерעד Локетт испытывает должное уважение к кому-нибудь или чему-нибудь.

Эд Треверс сдавленно хмыкнул, стараясь направлять повозку таким образом, чтобы снова не угодить в глубокие рытвины на дороге.

– Вероятно, вы правы, мисс Холбрук.

Он отдался собственным размышлениям, и беседа между ними прекратилась. Лорен занялась тем, что стала смотреть на расстилавшийся вокруг пейзаж.

Бен рассказывал ей, что живет в холмистом крае, и теперь она убедилась в этом воочию. Вокруг возвышались покатые холмы, покрытые уже побуревшей в эти первые дни осени травой. Справа весело бежала по каменистой земле затененная кипарисами река. Под невысокими кедрами пасся скот.

По мере того как солнце клонилось к западу, становилось все жарче. Лорен чувствовала, как струйки пота стекают у нее по шее. Ей очень хотелось снять шляпку и обмахиваться ею, вынуть шпильки из своих густых, тяжелых волос и позволить легкому ветерку поиграть ими.

Ее волосы были наказанием для всех домоправительниц, служивших у Джеральда Холбрука. Их мытье и расчесывание являлись постоянной причиной глухого ропота. Миссис Доротея Харрис, вдова с суровым характером, бывшая экономкой в их доме с тех пор, как Лорен исполнилось семь, и до самой смерти отца, заявляла, что волос Лорен хватило бы на шестерых. Каждое утро она грубо стягивала их и так туго заплетала, что у Лорен навертывались слезы на глаза. Отец редко одаривал Лорен комплиментами, но иногда говорил, что густые черные волосы достались ей от матери. И в этом был источник тайной гордости Лорен.

Конечно, сейчас она не могла позволить себе распустить волосы. И речи быть не могло, чтобы приехать в дом Локеттов без шляпки, не говоря уж о распущенных волосах.

Лорен мрачно посмотрела на свою запыленную юбку и с тоской подумала о том, что прибудет к месту назначения растрепанной. Что подумает о ней Бен? Наверное, ему будет стыдно за нее, и он пожалеет о своем приглашении. Лорен очень хотелось произвести приятное впечатление на его семью.

Лорен попыталась отряхнуть юбку, но вылетевшее в воздух облако пыли тут же опустилось обратно. Покоряясь неизбежному, она вздохнула и опустила руки на колени.

– Становится слишком сухо и пыльно, – неожиданно произнес Треверс. – Бену, должно быть, стоило большого труда уговорить вас покинуть зеленые холмы Северной Каролины и сделать весь этот путь.

Его любопытство относительно места, уготованного Лорен Холбрук в семье Локетт, еще не было удовлетворено.

Лорен рассмеялась:

– Он подкупил меня рассказами о Техасе. И я ничуть не разочарована. Здесь замечательно.

– Сколько времени вы здесь пробудете? – не смог удержаться от нового вопроса Треверс.

Она быстро отвернулась и сжала руки в кулаки.

– Я... я точно не знаю. – Лорен удалось справиться с внезапным волнением. – Все будет зависеть от миссис Локетт. Видите ли, я должна стать ее секретарем.

Эд Треверс чуть не свалился с сиденья. Оливии Локетт понадобился секретарь? Что еще затевает старина Бен?

Прежде чем задать новый вопрос, он проглотил образовавшийся в горле комок, поэтому голос его приобрел какие-то скрежещущие нотки:

– И что же вам придется для нее делать?

– Я многие годы помогала моим опекунам устраивать приемы. Бен подумал, что я могла бы избавить миссис Локетт от некоторых ее обязанностей. Ну, например, я могла бы взять на себя ее корреспонденцию. Длительность моего пребывания будет зависеть от того, как мы с ней поладим и понравлюсь ли я ей вообще, – ответила Лорен.

Рассказывая Треверсу о своих планах на будущее, Лорен и сама пыталась представить, как все это будет.

Бедная девочка, думал Треверс. Если все зависит только от симпатий Оливии Локетт к молодым и хорошеньким девушкам, то эта невинная мисс Холбрук отправится куда глаза глядят со следующим поездом из Остина. Оливия могла бы насмерть заморозить любого мужчину одним только жестким, холодным взглядом зеленых креольских глаз. Что уж говорить об этом бедном создании?

Интуитивно Лорен угадала нерешительность и смущение Треверса. Когда Бен предлагал ей это место, она ощутила такое же замешательство. Его предложение было настолько неожиданным, что она оказалась совсем неподготовленной к этому.

Они пообедали пережаренным барашком и вялыми овощами, впрочем, вполне обычными для кухни Пратеров. Лорен всегда чувствовала неудобство за качество блюд, которые предлагала Сибил Пратер своим гостям. Она была благодарна Бену Локетту за то, что он съел свою порцию, хотя очень непринужденно отказался от второй.

После обеда Лорен играла для гостей на фортепиано, подчиняясь настоятельным просьбам своих опекунов. Ее сольный концерт был принят, как всегда, хорошо, но неумеренные хвалы Пратеров смущали Лорен.

Сибил, чье пухлое тело утопало в розовых оборках, сидела рядом с мужем на обитом кричаще-яркой тканью диване. К сожалению, дурной вкус Сибил, ярко проявляющийся в ее туалетах, распространялся и на убранство дома. Ее девиз в жизни был: «Чем больше, тем лучше». Комнаты казались темными и мрачными от обилия парчи и бархата. Это ощущение усиливали канделябры и вазы из темного стекла.

Жена пастора жеманно улыбнулась, когда Абель стал расхваливать ее розы, получившие приз на выставке цветов. К их немалому удивлению, к облегчению Лорен и к огорчению Уильяма Келлера, Бен попросил Лорен показать ему сад, в котором росли столь знаменитые розы.

Вечер был теплым и тихим, цикады пели им серенады. Лорен повела Бена в небольшой розарий и усадила на низкую скамью.

– А вы у себя в Техасе выращиваете розы, мистер Локетт?

– Разумеется, выращиваем. У меня в Коронадо есть садовник-мексиканец, который выращивает гораздо более крупные и ароматные розы, чем эти призовые цветы Сибил. Думаю, секрет кроется в лошадином навозе.

Наступила пауза. Лорен не знала, как она должна реагировать на его слова. Потом оба одновременно рассмеялись. Мысленно Лорен отругала себя за то, что потакает его нескромности, но почему-то в тот момент, как ей казалось, это не имело значения.

– Спасибо за то, что вытащили меня в сад, – сказала она. – Обычно Абель и Сибил ухитряются сделать так, чтобы я осталась наедине с Уильямом.

– А вы не хотите оставаться с ним наедине?

Лорен передернула плечами:

– Нет, не хочу.

Уильям Келлер был серьезным тридцатипятилетним проповедником, служившим в маленькой церкви на окраине Клейтона. Лорен чувствовала, что под личиной набожности Уильяма скрываются честолюбие и хитрость. Он постоянно пытался произвести выгодное впечатление, демонстрируя свою негибкую нравственность и неуываемую любовь к человечеству.

К ужасу Лорен, Пратеры считали Уильяма прекрасным кандидатом в мужья. Не менее трех раз на дню они говорили ей о достоинствах Уильяма, и она была вынуждена принимать эти дозы похвал в его адрес, как иногда приходится принимать по часам горькое лекарство.

Лорен имела весьма смутное представление о том, какие обязанности накладывает на женщину вступление в брак и к какого рода отношениям приводит супружеская жизнь, но одна только мысль, что в случае замужества она будет вынуждена жить с Уильямом в одной комнате, приводила ее в ужас, и она предпочла бы остаться в старых девах, чем провести всю жизнь с Уильямом Келлером. Обычно Лорен относилась к людям снисходительно, но Уильяма она находила непривлекательным внешне, скучным в общении, считала его фанатиком и мракобесом. Все в нем раздражало ее. И его манера при разговоре обращаться к груди собеседника, а не смотреть ему в глаза. И его высокая, сутулая фигура, тонкие, прямые светлые волосы, постоянно падающие ему на глаза, почти бесцветные, обрамленные такими же бесцветными ресницами. Самой выдающейся, но отнюдь не украшавшей своего владельца деталью его лица был нос. Лорен часто приходило в голову, что он весьма смахи-